

Весь двор, от высших сановников до мелких чиновников, стоял на коленях. На троне, возвышавшемся над нефритовыми ступенями, сидел император, чье лицо от ярости стало мертвенно-бледным. Он с силой швырнул на пол поданный ему доклад.

Он потерял самообладание.

Он походил на разъяренного волка. Никто не смел в этот момент навлечь на себя гнев Цзин Цяньшаня, все лишь глубже вжимали головы в плечи, но император не собирался так легко их отпускать.

Стиснув зубы, он процедил сквозь них:

— Никчемные! Сплошные бездари! Неужели усадьба, стоявшая на месте, могла взять и испариться?

В тронном зале воцарилась мертвая тишина, люди дрожали, словно цикады поздней осенью.

Они действовали по приказу императора: отправились по адресу, куда когда-то отправили молодого господина Шэня на лечение, чтобы найти его. Однако, добравшись до места, они обнаружили, что никакой усадьбы там в помине нет.

Если быть точным, там были лишь заросли колючего кустарника да сорняки — пустота.

Посланные втайне стражи переглядывались, представляя, какой шквал ярости обрушится на них при докладе. Некоторые даже подумывали о самоубийстве, лишь бы не видеть гнева своего повелителя.

Впрочем, Цзин Цяньшань всегда находил, на ком сорвать злость.

Например, на канцлере, который в свое время подавал прошение, умоляя императора заботиться о здоровье господина Шэня; на командире императорской гвардии, сопровождавшем того в усадьбу и вернувшемся с докладом; на цензоре, который некогда, вопреки всем возражениям, расчистил путь Шэнь Няню во дворец...

Глядя на эти перепуганные лица, Цзин Цяньшань почувствовал головокружение.

Он вспомнил, что в те годы... все они были так добры к Шэнь Няню.

Неужели они уже тогда за его спиной вступили в сговор с ним?

При этой мысли подозрительность императора лишь усилилась. Стоящие на коленях люди не смели поднять глаз, но понимали: их положение стало критическим.

Впрочем, нашелся один, кто либо не осознавал всей опасности, либо просто не дорожил жизнью.

Молодой и многообещающий цензор, побледнев, набрался смелости и, продолжая стоять на коленях, произнес:

— Ваше Величество, не дайте себя обмануть злопыхателям! Господин Шэнь не из тех, кто нарушает клятвы. Вы, как никто другой, знаете его, быть может, у него есть веские причины...

— О? — Цзин Цяньшань одарил его зловещей улыбкой, прерывая речь, и посмотрел на выскочку сверху вниз. — Ты, выходит, знаешь его лучше, чем Я?

Официально Цзин Цяньшань объявил, что подозревает даоса, который когда-то явился во дворец, в обмане императора, а потому отправил людей срочно вернуть Шэнь Няня. О том, что именно посеяло семена сомнения в его душе, он предпочел умолчать.

Но тогда в главном зале слуги слышали каждое слово диалога Шэнь Няня в зеркале. Теперь по дворцу ползли слухи — шепотки о том, что их император носит рога, становились всё громче.

В приступе ярости Цзин Цяньшань казнил нескольких человек, но это не остановило правду, передававшуюся из уст в уста, — напротив, она обросла еще более нелепыми подробностями.

Кто знает, какую именно версию услышал цензор?

Под ледяным, пронизывающим взглядом императора чиновник, чье облачение промокло от холодного пота, не удержался на ногах. Вскоре его выволокли из зала тайные стражи по обвинению в неповиновении.

Цзин Цяньшань тяжело дышал, глядя на то, как человека уводят в темницу, но легче ему не стало. Нахмурившись, он приложил руку к пылающему лбу и приказал слуге:

— Принеси зеркало.

Да, даже после того как он в сердцах швырнул его об пол, материал зеркала Шаньхай оказался необычным — оно ничуть не пострадало.

Только вот теперь оно снова заволокло туманом, словно облаками.

После того, как Шэнь Нянь «неизлечимо заболел», молодой император второй раз в жизни ощутил глубокое бессилие.

Он, конечно, хотел бы найти бессмертного, подарившего ему зеркало, и потребовать объяснений, но связаться с божеством смертному — задача не из легких. Не объявлять же

снова о проведении ритуала призыва богов на горе Тайшань... Стиснув зубы, он приказал собрать всех городских заклинателей и отправить их на поиски в секты бессмертных, чтобы умолять Фу Тинсюэ о встрече.

А пока у него было лишь это зеркало.

Цзин Цяньшань решил следить за ним неотрывно, не упуская ни единого движения Шэнь Няня.

Конечно, в той сцене, что он видел, был и другой герой.

Хотя зеркало так и не показало лица этого человека, его манера держаться вызвала у императора глубокую тревогу. Он размышлял, кто бы это мог быть — демон? Или представитель клана демонических зверей?

Сила... Он не мог не учитывать, что Шэнь Нянь мог быть принужден к этому.

Но даже сквозь розовые очки любви он не мог отрицать очевидного: Шэнь Нянь сам искал близости с тем человеком.

Отношение того было двусмысленным: он провоцировал Шэнь Няня на признания, но сам оставался безупречен, не давая ни единой зацепки.

Даже если бы Шэнь Нянь просто пылал страстью к другому, это не вызвало бы в нем такого сокрушительного поражения. Более всего для могущественного императора было видеть, как его возлюбленный, которого он ценил как сокровище, заискивает перед другим, услужливо выпрашивая крупницы внимания.

И он даже не осознавал своего провала.

\*\*\*

Гу Шишу вышел из дворца. Он неспешно прогуливался по демонической обители, и за поворотом, как и ожидалось, встретил Фу Тинсюэ.

Пока он и Шэнь Нянь разыгрывали спектакль, Фу Тинсюэ успел вернуться в секту Цинчэн. Теперь он ждал его здесь.

Гу Шишу улыбнулся и достал из рукава черную Книгу Небесного Пути. На страницах, словно разлитая тушь, проступили слова:

— Император Цзин Цяньшань засомневался, стоит подождать.

— Система Шэнь Няня проявляет активность, нельзя терять бдительность.

Гу Шишу медленно зачитал послания небес для Фу Тинсюэ, ведь тот не мог их видеть.

Фу Тинсюэ кивнул.

Гу Шишу хотел продолжить чтение, но увидел, как на странице медленно проявилась новая строка:

— Почему ты всё рассказываешь этому мечнику из Цинчэн?

Пальцы Гу Шишу, перелистывавшие страницы, замерли. Он слегка склонил голову и увидел недоуменный взгляд Фу Тинсюэ.

В этот момент он мог бы ответить, что книги больше нет. Но вместо этого Гу Шишу произнес:

— Небесный Путь спрашивает, можно ли тебе доверять. Как считаешь, бессмертный, могу ли я верить тебе?

Черная книга, похоже, не ожидала, что Гу Шишу так быстро ее сдаст, и в панике стерла написанное. Страница с неохотой перевернулась, став абсолютно чистой.

Гу Шишу снова посмотрел на Фу Тинсюэ и увидел, что тот сначала опешил, а затем сфокусировал взгляд на его глазах.

Зрачки бессмертного были светлыми, прозрачными, как снег и лед, — под стать его натуре, чистой и ясной, понятной с первого взгляда. Но Гу Шишу всегда казалось, что под этим свежим снегом что-то скрыто. Раньше он мог это разглядеть, теперь же — нет.

Фу Тинсюэ заговорил:

— Я верю Владыке Демонов. А верить ли мне — решать тебе.

Он снова вернул право выбора ему, даже не пытаясь оправдаться.

Гу Шишу немного подумал, захлопнул вредную книгу и на глазах у нее и Фу Тинсюэ сказал:

— По сравнению с Небесным Путем, чести господина Фу можно доверять.

Книга хотела было заупрямиться, но ее бесцеремонно закрыли. Страницы задрожали без ветра, выражая недовольство. Гу Шишу, заметив это, склонился к Фу Тинсюэ и тихо рассмеялся, добавив с угрозой:

— Кто это тут недавно обещал приложить меня девятью девятью восемьюдесятью одним ударом небесной молнии?

Книга замерла. Ей стало совестно.

Впрочем, она уже сказала всё, что нужно, и Гу Шишу оставил ее в покое.

Он пересказал Фу Тинсюэ все, что произошло в зале, упомянув, как Шэнь Нянь подарил камень в форме сердца и дерзко признался в чувствах. Должно быть, император был в ярости — корона на его голове теперь сидела очень плотно.

Фу Тинсюэ поднял глаза и спросил:

— А что ты ответил сыну судьбы? Согласился?

Гу Шишу хотел ответить, но тон вопроса показался ему странным. Он с интересом посмотрел на Фу Тинсюэ, и тот отвел взгляд.

— Конечно нет, — Гу Шишу не придавал этому значения и продолжил. — Но и надежду обрывать не стал. Просто сказал, что не принимаю таких подарков, и посоветовал ему улучшить вкус. А еще освободил от тяжелой повинности подметать полы. Думаю, теперь он сам будет искать встреч со мной при любом удобном случае.

Это значило, что в будущем будет еще больше сцен для «прямой трансляции» Цзин Цяньшаню.

Пусть наслаждается, подумал Гу Шишу. В конце концов, император обладает силой звезд, так просто он не умрет.

Однако слова Небесного Пути о странной активности системы Шэнь Няня заслуживали внимания. В конце концов, даже если Шэнь Нянь глуп и зол, он лишь пешка в руках системы. Хотя сам он, не обладая должным интеллектом, возомнил себя хозяином положения.

И еще — открытия Фу Тинсюэ в секте Цинчэн.

Фу Тинсюэ дождался, пока он закончит, кивнул и начал подробно рассказывать обо всем, что удалось выяснить.

Гу Шишу вдруг подумал, что, хотя бессмертный сложен и всегда держится отстраненно, в некоторые моменты он на удивление послушен. Эта мысль показалась ему до того абсурдной, что он на мгновение задержал ее в уме, а затем отбросил.

Открытия Фу Тинсюэ были действительно важны.

Во-первых, человек по имени Шэнь Нянь в секте Цинчэн действительно был, но его характер, по словам учеников, был совершенно иным, чем у нынешнего Шэнь Няня — «сына судьбы».

Во-вторых, Шэнь Нянь действительно долго отсутствовал. Перед исчезновением у него были размолвки с соучениками. Но причина была в том, что они вместе ухаживали за садом с плодами бессмертия, а Шэнь Нянь съел их все в одиночку, оставив после себя лишь обглоданные стебли.

Наконец, те ученики не травили его намеренно — они просто потеряли шанс на внутренний экзамен из-за его ошибки, а потом, не найдя его, чувствовали вину и сами просили наказания.

Однако надежных доказательств не осталось, а посторонние знали лишь то, что ссоры были. Под влиянием «ауры всеобщего любимца» даже Гу Шишу в книге считал правдой то, что говорил Шэнь Нянь.

Гу Шишу опустил глаза, его взгляд стал мрачным.

Фу Тинсюэ понимал, о чем он думает — их беспокоило одно и то же.

Что стало с тем, настоящим Шэнь Нянем, которого вытеснил «сын судьбы»?

Это было похоже на захват тела. Когда Фу Тинсюэ отправился на проверку, один из учеников осмелился спросить его, не был ли Шэнь Нянь одержим, раз стал таким другим.

Но поведение Шэнь Няня отличалось от обычного захвата: для него нужны особые формации, сила захватчика после этого сильно страдает, да и часть памяти прежнего владельца должна сохраняться...

Скорее всего, дело в той внешней системе.

Гу Шишу тихо цокнул языком.

Он увидел, как Фу Тинсюэ поднял голову. Ледяная, пронзительная аура меча вокруг него сгустилась, подобно морозному инею.

Его голос был тихим, но каждое слово звучало тяжело:

— Это дело касается учеников Цинчэн, я не уследил... Прошу прощения, Владыка Демонов.

— При чем тут ты? — Гу Шишу невольно нахмурился. Если бы не помощь Небесного Пути, он сам был бы самым ослепленным из всех. Как он мог винить Фу Тинсюэ в том, что тот не усмотрел за сектой? — Не бери на себя чужую ответственность. Мы вместе справимся с этим.

Сказав это, он почувствовал легкое сожаление — слишком официально вышло, будто он его поучает.

Фу Тинсюэ медленно моргнул длинными ресницами. Он оставался тем же холодным, как снег, бессмертным, но Гу Шишу на мгновение показалось, что на его лице промелькнула едва заметная улыбка.

Она исчезла в тот же миг.

Должно быть, показалось.

Но даже если это иллюзия, даже если это не имеет отношения к чувствам, Гу Шишу всякий раз, видя его, думал одно и то же:

Как же он хорош.

<http://bllate.org/book/18924/1851391>